

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2024.4.2

Культурная маргинальность: в поисках новых интерпретаций и методологии исследования*

А. Н. Пинчук, Д. А. ТИХОМИРОВ, Е. В. ВАХНЕНКО

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Статья посвящена исследованию культурной маргинальности, которая, несмотря на достаточно длительную историю теоретического анализа, продолжает порождать новые вопросы в поле научных дискуссий, актуализирующих не только необходимость концептуальной ясности, но и решения прикладных задач государственной политики. Используя теоретические ресурсы социологии, авторы выделяют две аналитические линии анализа культурной маргинальности, первая из которых затрагивает межкультурное взаимодействие, а вторая — аномию и кризисное состояние общества. Представленная в статье концептуальная работа позволяет рассмотреть культурную маргинальность в условиях аномии как внутрисистемное явление, которое может проявляться в виде отказа от потребления продуктов доминирующей культуры, ее критике и неприятии при размытых основаниях культурной идентичности. Разработанная концептуальная схема анализа культурной маргинальности и предлагаемые методологические решения могут иметь значение не только для развития социальной теории в целом, но и для выявления латентных маргинальных образований в современных условиях, когда дискурс о культуре обновляется в рамках государственной политики и приобретает коннотации безопасности и суверенитета.

Ключевые слова: маргинальность; культурная маргинальность; межкультурное взаимодействие; аномия; культурная идентичность

ВВЕДЕНИЕ

В практике социологического анализа найдется немало примеров, когда явление, определяемое со времен классиков социологии, переосмысливалось в новых исторических условиях, приобретая тем самым дополнительные коннотации или раскрывая изначальную трактовку в актуальном для современников ключе. Ярким

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-00549 «Культурная маргинальность российских студентов: развитие человеческого потенциала новых поколений как проблема и ресурс развития патриотизма в основных положениях и мерах по реализации государственной молодежной политики».

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00549 «Cultural marginality of Russian students: human potential of new generations as a problem and resource for developing patriotism in the main provisions and measures for implementing the state youth policy».

примером тому служит понятие «маргинальность», которое начиная с прошлого века вызывает исследовательский интерес социологов, аккумулируя внушительную базу теоретических интерпретаций. Очевидно, что богатая традиция изучения явления, демонстрирующая его способность притягивать внимание ученых в разные периоды развития общества, указывает на познавательный потенциал данного теоретического конструкта. Однако, имея практически столетнюю историю анализа, феномен маргинальности до сих пор не получил однозначного определения, что усложняет работу с данным концептом не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровнях. Ради справедливости заметим, что такое положение дел встречалось не единожды в истории развития социологической мысли, отличающейся концептуальным разнообразием и многократными попытками систематизации идей и положений. Но в отношении исследования феномена маргинальности стремление внести концептуальную ясность опосредовано не только задачами социальной теории, но и социальной практики. Сегодня Россия находится в особых исторических условиях, когда период разрушения ценностно-нормативной системы советского общества с последующей либерализацией и переориентацией на западные культурные образцы сменился информационным противостоянием с западным миром. В этом противостоянии культурная жизнь российского социума совершает сложный виток развития на уровне государственной политики, метафорично ознаменовавший период «возрождения» традиционных духовно-нравственных ценностей самобытной российской культуры, о чем свидетельствуют государственные документы последних лет (Указ Президента РФ ... , 2022: Электронный ресурс ; Указ Президента РФ ... , 2023: Электронный ресурс). Таким образом, современные поколения получают особый эмпирический опыт освоения культурной жизни страны, когда ранее интериоризированные культурные паттерны меняются на условно новые, определяемые как традиционные ценности, что сопряжено с рисками маргинализации. По существу, речь идет о размывании и неопределенности культурной идентичности, что может сопровождаться отказом от ценностей доминирующей культуры в латентной либо открытой формах. Конкретно мы говорим о размывании культурной идентичности, что может сопровождаться отказом молодых людей от освоения возрождающихся традиционных ценностей российской культуры. Хотя о культурной маргинальности в социологии известно, данное явление, как правило, осмысливается в рамках кросс-культурного взаимодействия. Гораздо реже ученые обращают внимание на процесс маргинализации внутри доминирующей культуры. Полагаем, что использование концепта культурной маргинальности в обновленной повестке дня обогатит понимание современных социально-культурных процессов, что важно как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

Итак, цель настоящей статьи заключается в концептуализации культурной маргинальности с опорой на теоретические ресурсы классической и современной социологии, а также в рассмотрении новых ракурсов анализа данного феномена и методологических подходов к прикладному исследованию.

КУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Истоки социологических идей о культурной маргинальности отмечаются в «Эссе о чужаке» Г. Зиммеля (Зиммель, 2003). Классик немецкой социологии размышлял

о состоянии Чужака, выделяя в качестве отличительной характеристики его пограничное положение по отношению к принимающей группе, когда Чужак остается и «вне», и «визави» (фр. *vis-à-vis* — «лицом к лицу») одновременно, что делает его свободным от общественных привычек, авторитетов и пристрастий и в то же время позволяет беспристрастно рассматривать установки принимающей общности (там же).

Характерную для социологического дискурса интерпретацию феномен маргинальности получил позже в работах представителей чикагской школы социологии. Считается, что Р. Парк впервые проблематизировал феномен маргинальности, когда обратил особое внимание на личностный тип «культурного гибрида», оказавшегося «на границе двух культур и двух обществ, которые никогда не взаимопроникали и не смешивались полностью» (Парк, 1998: 174). Особенно значимый вклад в развитие концепта маргинальности внес другой яркий представитель чикагской социологической школы — Э. Б. Стоунквист, который указывал на то, что в состоянии маргинала есть «всегда нечто проблемное», «это означает некоторое — возможно, неуловимое — чувство отстраненности и *malaise* (англ. «беспокойства», «дискомфорта». — А. П., Д. Т., Е. В.) внутренней обособленности от своей социальной жизни» (Стоунквист, 2015: 141).

Стоит отметить, что представители чикагской школы социологии преимущественно рассматривали проблему физических перемещений и культурных границ, что характерно в первую очередь для процессов миграции. Эту когнитивную перспективу дополняют рассуждения о временных параметрах маргинальности. В этой связи стоит упомянуть концептуальные идеи А. Шюца, который особое внимание уделяет категории времени в характеристике Чужака. Согласно А. Шюцу, Чужак не имеет общих исторических корней с принимающей группой, он является «новичком», он может разделить «в своем живом и непосредственном опыте настоящее и будущее, однако он при любых обстоятельствах остается исключен из аналогичного переживания прошлого» (Шютц, 1998: 183). Рассматривая темпорально-функциональный характер процесса освоения культурных образцов в теории А. Шюца, С. Баньковская указывает на объективистскую позицию Чужака, который не способен полностью интегрироваться в рутину и практику культурной жизни: «Эта неспособность обретает необратимый характер — став однажды Чужаком, индивид уже не может отождествить себя с культурным образцом никакой группы, включая свою» (Баньковская, 2020: 220). Таким образом, Чужак не только не способен безоговорочно принимать новые культурные образцы, но не может поддерживать и прежние образцы, что характеризует непрочные основания его культурной самоидентификации.

В конце XX в. Чужак становится предметом анализа в работах З. Баумана. Примечательно, что в отличие от Зиммеля, который подчеркивал прогрессивную роль Чужака, З. Бауман в самом существовании Чужака видел проблему нарушения социального равновесия (Савоскул, 2016: Электронный ресурс). По мнению ученого, опасность Чужака заключается в том, что в своей пограничной позиции он отвергает разделение на «мы» и «они», можно сказать, Чужаки «противостоят противопоставлению как таковому, т. е. разного рода различиям, границам, устанавливающим их, и тем самым — определенности социального мира, проистекающей из этих различий» (Бауман, 1996: 60). Чужак одновременно близок и далек, поэтому способен нарушить пространственный миропорядок, основанный на географических границах, которые служили основой для моральной координации, разграничивая друзей и врагов (Гусев, 2009).

Стоит отметить, что в классическом определении понятие Чужака связано с идеей места, которое локализовано и ограничено в географическом измерении, которое можно покинуть или куда можно вернуться. Но в условиях ускоряющейся мобильности, глобализации и цифровизации, когда виртуальное пространство предоставляет возможность в любой момент увидеть родные просторы и близких, меняется восприятие границ, фиксированности, удаленности, а вместе с тем меняется и представление о Чужаке. По мнению У. Бека, в контексте глобализации, когда социально-политические и культурные границы перестают совпадать, могут проявиться «противоречия между различными принципами исключения», другими словами, «внутренняя глобализация в смысле плюрализации границ вызывает кризис легитимации национальной морали исключения» (Бек, 2003: 27). Тем самым границы не исчезают, а могут быть переопределены, что связано с поиском идентичности в условиях взаимопроникновения культур. Проще говоря, по мнению немецкого социолога, в контексте глобализации размываются культурные, экономические, политико-правовые границы национальных государств, происходит плюрализация границ, когда ставятся под сомнение основания «национальной морали исключения» чужаков: «...границы больше не предопределены, их можно выбирать (и интерпретировать), но при этом их необходимо переопределять и легитимировать заново» (там же: 27). Отметим все же, что этот взгляд социолога нуждается сегодня в определенной корректировке: глобализация продолжается (и сегодня одним из главных ее субъектов является уже не США, а Китай), но в последние годы отчетливо обозначились и тенденции, получившие наименование постглобализации (а также регионализации). Эти явления сопровождаются формированием региональных блоков государств (например, АТЭС, ЕАЭС, АСЕАН и др.), формированием соответствующих региональных наднациональных институтов (в том числе проектов собственной, независимой от западной, финансовой архитектуры) и нередко — выраженным протекционизмом (как сегодня в Европе и США в отношении товаров из Китая и других незападных стран). Также усиливается противодействие национальных правительств давлению (прежде всего нелегальных) миграционных потоков (в том числе в России). Здесь же важна мысль У. Бека о том, что принципы глобального и локального взаимосвязаны, в этом взаимопроникновении изменяется «содержание социального и политического внутри национальных государств» (там же: 25). По нашему мнению, эти размышления имеют большое значение для понимания социального типа культурного маргинала, который в условиях доступности информации может пересмотреть общепринятые критерии самоидентификации и подвергнуть сомнению легитимность культурных границ и принципов морального осуждения, которые транслирует национальная культура.

Продолжая теоретический обзор в аспекте преемственности и развития социологической мысли, отметим, что в работах современных зарубежных авторов культурная маргинальность раскрывается не только в рамках межкультурного взаимодействия с опорой на классическую теорию Р. Парка, но и в контексте положений теории аномии Э. Дюркгейма (Temirgaliev, Jamaliyeva, 2021; Hakobyan, Dabaghyan, Khachatryan, 2022). В последнем случае признается, что маргинальность связана с разрушением устоявшегося ценностно-нормативного порядка, что сопряжено с размыванием прежней системы идентификаций и появлением ценностного вакуума. Так, в условиях противоречивых культурных требований человек становится маргиналом (Temirgaliev, Jamaliyeva, 2021).

Некоторые зарубежные ученые отмечают, что для периода структурных преобразований общества характерны «явления параллелизма», когда продолжает воспроизводиться нормативно-ценностный порядок прежних институтов, но при этом в изменяющихся условиях начинают функционировать новые институты и социальные отношения. Это приводит к формированию двойственных ценностных ориентаций и маргинализации поведения в условиях старых и новых реалий социальной жизни, «сосуществующих параллельно» (Накобян, Dabaghyan, Khachatryan, 2022). Так, распространение ценностей рыночного общества на постсоветском пространстве, сопровождаемое частичной интеграцией прежней культурной системы советского общества в новую институциональную среду, демонстрирует условия параллельного существования двух ценностно-нормативных порядков и маргинализации населения.

Отдельно следует рассмотреть особенности трактовки понятия культурной маргинальности отечественными исследователями, которые учитывали уникальные условия российской действительности. Традиция изучения проблем маргинальности в российской социологии получила значительное развитие в 90-е гг. прошлого века в связи с серьезными общественными трансформациями, которые актуализировали необходимость изучения маргинальных групп. Неудивительно, что приоритетный интерес был в основном направлен на социальную маргинальность, что выдвигало на первый план проблемы социального исключения бездомных, безработных и т. д. Тематика культурной маргинальности реже становилась специальным предметом анализа российских авторов, однако можно отметить работы, в которых делается попытка исчерпывающего объяснения данного феномена. Своего рода энциклопедическую статью в исследуемой области написали А. В. Кочетков и Вал. А. Луков, в которой культурная маргинальность интерпретируется как явление, которое возникает «в силу особого стечения жизненных обстоятельств, а именно — необходимости непосредственной и длительной связи с представителями других культур (феномены билингвизма, мезальянса, межрасовых и межнациональных браков, вовлеченность в миграционные потоки, торговый обмен с соседними странами и т. д.)» (Кочетков, Луков, 2019: 248). В такой постановке отражается концептуализация культурной маргинальности в плане кросс-культурного взаимодействия. Между тем в более ранних версиях теоретизирования обнаруживаются трактовки, которые выходят за рамки классических определений и феномен маргинализации рассматривается как переходное положение между старой и новой системой ценностей внутри одной культуры. Такие теоретические воззрения можно увидеть в работе Е. И. Мельниковой, в которой рассматривается кризисная модель самоопределения молодых людей в эпоху перемен, а процесс маргинализации осмысливается как сложный период поиска того, что есть «Мы», когда общепринятая культурная система, транслируемая общественными институтами и родительской семьей, недостаточно осваивается, а собственная система ценностей еще не сформирована (Мельникова, 2010).

Надо сказать, что российские ученые указывают на сложность сохранения пограничного статуса носителей маргинальной культуры, которого можно лишиться, интегрируясь в доминирующую культуру или оказавшись за пределами этой культуры, что заставляет культурных маргиналов «чутко реагировать на любые изменения в культуре, конкурировать с другими маргинальными образованиями за сферы влияния, при необходимости кооперироваться с ними с целью поддержания маргинального статуса» (Бобер, 2010: 140).

Стоит отметить, что в последние годы культурная маргинальность становится специальным предметом анализа в социологии молодежи. В этом случае культурная маргинальность отражает пограничное положение молодых людей «в результате воздействия внешних факторов (как результат пребывания в обществе риска) и внутренних факторов (как свойства переходного, пограничного возрастного периода со специфичными чертами группового сознания (лабильность, экстремальность, трансгрессивность, глобальность))» (Ковров, Пичко, Гафиатулина, 2023: 255).

Итак, подведем итоги краткого обзора концептуальных подходов зарубежных и отечественных специалистов. Прежде всего следует отметить, что культурная маргинальность имеет многоаспектный ракурс анализа. Условно можно провести теоретическую параллель между двумя аналитическими линиями, первая из которых затрагивает кросс-культурное взаимодействие, а вторая — аномию и кризисное состояние общества. В нашем случае особый интерес представляет анализ культурной маргинальности с опорой на теорию аномии, позволяющую сконцентрировать внимание на динамике национальной культуры и связанных с ней маргинальных проявлений. С этой точки зрения культурная маргинальность характеризует неопределенность культурной идентичности, проявляющуюся в изоляции от доминирующей культуры на уровне ценностного самоопределения и социальных практик в виде отказа от потребления продуктов доминирующей культуры либо в девиантных формах поведения, отражающих протест и сопротивление.

К ВОПРОСУ ОБ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследователю нередко приходится решать задачу социологического измерения сложных многосоставных явлений, которые следует перевести из теоретически понятных в эмпирически доступные для анализа концепты. Стоит отметить, что проблема количественной квантификации маргинальности, проявления которой фиксируются на субъективном уровне, не остается за рамками внимания современных ученых, хотя подобных примеров в научной литературе встречается крайне мало. Так, можно рассмотреть опыт исследования культурной маргинальности студенческой молодежи в области информационно-коммуникационных технологий с помощью количественного опроса (Polyakova, Basina, Al-Shahdani, 2023). Но надо признать, что в современной исследовательской нише фактически отсутствует традиция эмпирического изучения культурной маргинальности как внутрисистемного социокультурного явления, которое проявляется в условиях аномии. Теоретические изыскания в этой области опережают аналитическую практику. С нашей точки зрения, в эмпирическом исследовании культурной маргинальности представляет несомненный интерес субъективистский подход, основанный на выявлении переживаемого опыта неопределенности культурной идентичности и выражаемого в ценностях и практиках отношения к доминирующей культуре. В качестве приемлемых методологических разработок в обозначенной области видится перспективным использование стратегии смешивания методов (Mixed Methods Research), когда исследователь анализирует данные, полученные с помощью качественных и количественных методов, «смешивая» их последовательно либо параллельно (Creswell J. W., Creswell J. D., 2018). Если исходить из того, что составление социологического инструментария уже предполагает онтологизацию культурной маргинальности, то видится целесообразным предварительное проведение разведывательных исследований, что поможет в дальнейшем сформулировать корректно вопросы для опросных методов. Здесь потребуются

анализ нарративов глубинных интервью, который позволит выявить словарь повседневной риторики о культурной идентичности, понять основания самоописаний и самоопределений в социокультурном пространстве, изучить восприятие доминирующей культуры и опыт освоения культурно-духовной жизни страны. С опорой на качественную методологию разумным видится разработка количественного инструментария.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье была выдвинута цель переосмыслить культурную маргинальность, используя теоретические ресурсы социологии, а также определить возможные методологические подходы к ее эмпирическому исследованию. Стоит сказать, что такая ревизия социологической теории во многом продиктована потребностью разобраться в изменении культурной составляющей социальной жизни в условиях информационного и военного (по факту) противостояния. В современном информационном поле культурные картины мира становятся, с одной стороны, объектом для созидания, сохранения и приумножения, а с другой — разрушения, размывания, фрагментации. Тем самым определение культурной маргинальности в аспекте кросс-культурного взаимодействия недостаточно для осмысления происходящих социокультурных процессов. Если исходить из того, что маргинальность возникает в условиях социальной нестабильности, в кризисные периоды развития общества, то видится перспективным использовать положения теории аномии, в рамках которой маргинальное состояние осмысливается как неопределенность культурной идентичности индивида. Таким образом, рассматривая маргинальность шире, чем в аспекте взаимодействия культур, можно говорить о пограничном состоянии человека, который не освоил нормы доминирующей культуры в своей стране, но при этом не интегрировался и в другие культурные системы. Маргинал появляется в условиях дестабилизации преемственности культурных норм и ценностей внутри культуры, в которой он родился и вырос. При этом индивид осознает свою неинтегрированность в культуру большинства, частью которой он является по рождению, но не по самоопределению. Такое положение может выразиться в формах поведения в виде протеста, нигилизма, отчужденности, возникающей вследствие неопределенности культурных ориентаций. Культурный маргинал в этом случае выступает объективным исследователем доминирующей культуры, его могут отличать критичная позиция, одновременная отдаленность и вовлеченность в виде инновационных идей.

Следует учитывать, что некоторые выводы, сделанные в ходе данной работы, требуют дополнительных обсуждений. И поскольку представленные теоретические обобщения проясняют феномен на эмпирическом уровне, постольку видится перспективным продолжить исследовательскую линию анализа эмпирическими изысканиями, полезными не только для расширения теоретического задела, но и для проектирования культурной политики страны в условиях неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баньковская, С. П. (2020) Темпоральная феноменология Инакости у А. Шюца (или рождение феноменологического социологизма) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. №2. С. 212–225.

Бауман, З. (1996) Мыслить социологически. М. : Аспект Пресс, 255 с.

Бек, У. (2003) Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6. № 1. С. 24–53.

Бобер, Ж. (2010) Культурная маргинальность и ее место в развитии культуры // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Т. 2. № 4. С. 136–143.

Гусев, А. Н. (2009) Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 72–79.

Зиммель, Г. (2003) Эссе о Чужаке. Социальное пространство: Междисциплинарные исследования : реферативный сборник. М. : ИНИОН. С. 173–178.

Ковров, В. В., Пичко, Н. С., Гафиатулина, Н. Х. (2023) Социокультурная маргинальность как проблемное свойство студенческой молодежи в современном обществе риска // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 251–256.

Кочетков, А. В., Луков, Вал. А. (2019) Культурная маргинальность // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 248–250.

Мельникова, Е. И. (2010) Культурная маргинальность как феномен российской молодежи // Сибирский педагогический журнал. № 7. С. 153–158.

Парк, Р. Э. (1998) Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 2. С. 167–176.

Савоскул, М. (2016) Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0679/demoscope679.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

Стоунквист, Э. В. (2015) Маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 3. С. 140–156.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.05.2024).

Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 15.05.2024).

Шютц, А. (1998) Чужак: социально-психологический очерк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 3. С. 177–193.

Creswell, J. W., Creswell, J. D. (2018) Research Design Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches [Электронный ресурс]. URL: https://spada.uns.ac.id/pluginfile.php/510378/mod_resource/content/1/creswell.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Nakobyan, N., Dabaghyan, A., Khachatryan, A. (2022) The Phenomenon of Anomie in the Context of Marginality [Электронный ресурс] // Pan-Armenian Digital Library. Pp. 89–104. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/351869#description> (дата обращения: 15.07.2024).

Polyakova, O., Basina, N., Al-Shahdani, S. A. H. (2023) Sustainable development of the impact of cultural marginality in information technology on student youth as a way of social adaptation [Электронный ресурс] // International Scientific Conference «Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East» (AFE-2022). Vol. 371. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2023/08/e3sconf_afe2023_06020.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Temirgaliev, K. A., Jamaliyeva, G. Zh. (2021) Cultural marginality and its social implications // Central Asian Journal of Art Studies. Vol. 6, no. 1. Pp 27–38.

Дата поступления: 17.07.2024 г.

CULTURAL MARGINALITY: IN SEARCH OF NEW INTERPRETATIONS
AND RESEARCH METHODOLOGY

A. N. PINCHUK, D. A. TIKHOMIROV, E. V. VAKHNENKO
PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS

The article is devoted to the study of cultural marginality, which, despite a rather long history of theoretical analysis, continues to generate new questions in the field of scientific discussions, actualizing not only the need for conceptual clarity, but also solutions to applied problems of public policy. Using the theoretical resources of sociology, the authors identify two analytical lines of analysis of cultural marginality, the first of which affects intercultural interaction, and the second — anomie and the crisis state of society. The conceptual work presented in the article allows us to consider cultural marginality in conditions of anomie as an intra-systemic phenomenon that can manifest itself in the form of refusal to consume products of the dominant culture, its criticism and rejection with blurred foundations of cultural identity. The developed conceptual scheme for the analysis of cultural marginality and the proposed methodological solutions may be important not only for the development of social theory as a whole, but also for identifying latent marginal formations in modern conditions, when the discourse on culture is updated within the framework of state policy and acquires connotations of security and sovereignty.

Keywords: marginality; cultural marginality; intercultural interaction; anomie; cultural identity

REFERENCES

- Ban'kovskaia, S. P. (2020) Temporal'naia fenomenologiya Inakosti u A.Shiutsa (ili rozhdenie fenomenologicheskogo sotsiologizma). *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 20, no. 2, pp. 212–225. (In Russ.).
- Bauman, Z. (1996) *Mysli' sotsiologicheski*. Moscow, Aspekt Press, 255 p. (In Russ.).
- Bek, U. (2003) Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vrugi. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 6, no. 1, pp. 24–53. (In Russ.).
- Bober, Zh. (2010) Kul'turnaia marginal'nost' i ee mesto v razvitiu kul'tury. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 2, no. 4, pp. 136–143. (In Russ.).
- Gusev, A. N. (2009) Marginalizatsiya i kosmopolitizm: vzgliady sovremennykh teoretikov na sotsial'nye posledstviya intensivatsii prostranstvennykh peremeshchenii. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 8, no. 2, pp. 72–79. (In Russ.).
- Zimmel', G. (2003) Esse o Chuzhake. *Sotsial'noe prostranstvo: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: Referativnyi sbornik*. Moscow, INION. Pp. 173–178. (In Russ.).
- Kovrov, V. V., Pichko, N. S. and Gafiatulina, N. Kh. (2023) Sotsiokul'turnaia marginal'nost' kak problemnoe svoystvo studencheskoi molodezhi v sovremennom obshchestve riska. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 2, pp. 251–256. (In Russ.).
- Kochetkov, A. V. and Lukov, Val. A. (2019) Kul'turnaia marginal'nost'. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 248–250. (In Russ.).
- Mel'nikova, E. I. (2010) Kul'turnaia marginal'nost' kak fenomen rossiiskoi molodezhi. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 7, pp. 153–158. (In Russ.).
- Park, R. E. (1998) Lichnost' i kul'turnyi konflikt. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no. 2, pp. 167–176. (In Russ.).
- Savoskul, M. (2016) Pochemu migrant migrantu ne vsegda drug, tovarishch i brat? *Demoskop Weekly*. [online] Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0679/demoscope679.pdf> (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).
- Stounkvist, E. V. (2015) Marginal'nyi chelovek. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no. 3, pp. 140–156. (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta RF ot 9 noiabria 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniui i ukrepleniiu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei». GARANT. RU. Informatsionno-pravovoi portal. [online] Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 25 ianvaria 2023 g. №35 «O vnesenii izmenenii v Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki, utverzhennye Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24 dekabria 2014 g. №808». GARANT. RU. Informatsionno-pravovoi portal. [online] Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).

Shiutts, A. (1998) Chuzhak: sotsial'no-psikhologicheskii ocherk. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no. 3, pp. 177–193. (In Russ.).

Creswell, J. W. and Creswell, J. D. (2018) *Research Design Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* [online] Available at: https://spada.uns.ac.id/pluginfile.php/510378/mod_resource/content/1/creswell.pdf (accessed: 15.07.2024).

Hakobyan, N., Dabaghyan, A. and Khachatryan, A. (2022) The Phenomenon of Anomie in the Context of Marginality. *Pan-Armenian Digital Library*, pp. 89–104. [online] Available at: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/351869#description> (accessed: 15.07.2024).

Polyakova, O., Basina, N. and Al-Shahdani, S. A. H. (2023) Sustainable development of the impact of cultural marginality in information technology on student youth as a way of social adaptation. *International Scientific Conference «Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East» (AFE-2022)*, vol. 371. [online] Available at: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2023/08/e3sconf_afe2023_06020.pdf (accessed: 15.07.2024).

Temirgaliev, K. A. and Jamaliyeva, G. Zh. (2021) Cultural marginality and its social implications. *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 6, no. 1, pp 27–38.

Submission date: 17.07.2024.

Пинчук Антонина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36. Тел.: +7 (495) 800-12-00. Эл. адрес: antonina.pinchuk27@bk.ru

Тихомиров Дмитрий Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36. Тел.: +7 (495) 800-12-00. Эл. адрес: dat1983@yandex.ru

Вахненко Егор Васильевич — студент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36. Тел.: +7 (495) 800-12-00. Эл. адрес: egor.vakhnenko@mail.ru

Pinchuk Antonina Nikolayevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: +7 (495) 800-12-00. E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Tikhomirov Dmitry Andreyevich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: +7 (495) 800-12-00. E-mail: dat1983@yandex.ru

Vakhnenko Egor Vasilyevich, Student, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: +7 (495) 800-12-00. E-mail: egor.vakhnenko@mail.ru